

Надежда Александровна с успехом использовала в своих произведениях прием «очеловечивания» предметов женского и мужского гардеробов. При этом вещи изображались способными «испытывать те же чувства», что и их обладатели. Это неизменно вызывало комический эффект у читателя. Мы видим, что «героями» произведений Тэффи могут быть предметы, способные коренным образом повлиять на изменение характера или даже образа жизни своих хозяев. Следуя чеховским традициям, писательница великолепно применяла «вещную» деталь, а та уже выразительно характеризовала поведение, сознание и мысли человека. Надежда Александровна решительно пользовалась деталью-заглавием, тем самым делая ее символической, центральным звеном словесной ткани. Следует признать, что во многих ее юмористических произведениях именно вещи составили существенную грань человеческой реальности, сыграли важную роль не только для создания комичных ситуаций, но и для характеристики персонажей.

Библиографические ссылки

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб. : Паритет, 2007. – 320 с.
2. Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / Собр. Ф. Ф. Фидлер. – М. : тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. – 268 с.
3. Тэффи. Ведьма: Рассказы / Тэффи. – М. : Эксмо, 2007. – 640 с. – (Русская классика XX века).
4. Тэффи. Контрреволюционная буква: Рассказы, фельетоны. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 256 с.
5. Тэффи Н. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1: Юмористические рассказы; И стало так...: Сборники рассказов / Сост. И. Владимиров. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2008. – 480 с.
6. Тэффи Н. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: Сборники рассказов / Сост. И. Владимиров. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 432 с.

Надійшла до редколегії 12.05.11

УДК 821. 111

Т. Н. Потницева

г. Днепропетровск

О ПУШКИНЕ, О ЗАЙЦАХ, О СУДЬБЕ...

(ДИПТИХ О ПУШКИНСКОМ ЗАЙЦЕ САШИ ДАГДЕЙЛ)

Розглядається поетичний диптих сучасної англійської поетеси на тему відомого біографічного факту з життя А.С.Пушкіна.

Ключові слова: диптих, поетичне ціле, творча інтерпретація, адекватність.

Рассматривается поэтический диптих современной английской поэтессы на тему известного биографического факта из жизни А.С.Пушкина.

Ключевые слова: диптих, поэтическое целое, творческая интерпретация, адекватность.

The poetic diptych of the modern English poetess on the theme of the famous biographical fact from the life of A. S. Pushkin is investigated.

Key words: diptych, poetic whole, the creative interpretation, adequacy.

Любовь к творчеству и личности А. С. Пушкина в Англии – факт, не требующий особого доказательства. Однако стоит упомянуть об одном из ярких

проявлений этой любви последних лет – ежегодном конкурсе поэтов и переводчиков «Пушкин в Британии», который проходит в пушкинские дни в Лондоне!

Поэтесса, о которой пойдет речь, – давно и преданно любит русскую литературу, творчество Пушкина, популяризируя их у себя на родине. Имя этой поэтессы под стать увлечению – Саша Дагдейл (Sasha Dugdale, 1971). Творчество ее отмечено в Великобритании многочисленными премиями, да и в России Дагдейл хорошо известна: здесь она жила и работала на протяжении 5 лет (с 1995 по 2000). У себя на родине поэтесса инициировала создание Русского театра, где осуществляется постановка пьес, переведенных с русского на английский язык ею самой. Из последних работ – перевод «Вишневого сада» А. П. Чехова. И сейчас С. Дагдейл пристально следит за тем, что происходит в России. После взрыва в Домодедово 25 января 2010 г. на стенах Русского театра было вывешено пространное извещение, написанное С. Дайгдейл, о гибели Анны Яблонской с информацией о ее творчестве.

Два стихотворения современной английской поэтессы «Zaits» и «The Hare» представляют собой своеобразный диптих – «два одновременных взгляда на одну ситуацию» [4, с. 11]. Ситуация хорошо известна из биографии А. С. Пушкина. Речь идет о декабре 1825 г., когда поэт сделал попытку тайно уехать из Михайловского в С.-Петербург, где назревали события, приведшие к восстанию на Сенатской площади. От участия в восстании вместе с друзьями-декабристами и от его трагических последствий Пушкина, как известно, спасло суеверие: при выезде из Михайловского дорогу перебежал заяц. На этот счет есть много уточняющих версий: кроме зайца упоминают еще и священнослужителя, встреча с которым тоже не сулила ничего хорошего¹. Все это, безусловно, воспринимается как составляющая легенды, мифа о великом русском поэте, которого могло остановить от дерзновенного поступка только что-то сверхъестественное. Но это есть и реальное проявление «русского колорита», «русского духа», который определял многое в характере, поступках и чувствах людей. Александра Сергеевича Пушкина, в том числе². Пушкинский заяц-спаситель увековечен в памятнике, который сооружен в Михайловском по инициативе писателя Андрея Битова и при поддержке директора пушкинского музея-заповедника Георгия Василевича. И вот сегодня легендарный заяц воспет современной английской поэтессой!

Первое стихотворение диптиха «Zaitz» – версия события с точки зрения зайца, но в процессе его (события и рассказа) осмысления носителем чужой культуры. Отсюда такое странное название – по сути, транслитерация того, как звучит слово «заяц» в устном варианте – «заиц» («Ну, за-и-и-иц, погоди!»). И слово, и само существо для англичанина не только «иноприродное» (тут согласимся с Г. Кружковым [4, с. 12]), но прежде всего инокультурное. В семантику русского фольклорного образа зайца входили те смыслы, которые не были распространены за пределами славянского мира. Кроме того, что традиционно заяц воплощал трусость и осторожность, он символизировал и «молодую, яркую силу, мощь нарождающейся жизни...». Нередко в нем находили олицетворение « нравственных категорий» и даже «персонификацию образа души, явившейся с «того света»...» [5]. Именно этими смыслами наполнен образ «zaitza» Саши Дагдейл, замершего в

ожидании того, кого он должен упредить и кому он не должен дать отправиться в далекий и опасный путь.

В напряженном внутреннем монологе зайца (такова форма стихотворения) нет ни одного упоминания «кого» и «почему». Что и не требуется не только тем, кто воспитан на русской культуре, но и любому образованному человеку. Вместе с тем, все детали месторасположения и времени происходящего с удивительной точностью воссоздают Михайловское в декабрьскую пору. Поэтический взор С. Дагдейл выхватывает все памятные детали заповедного пушкинского места, в котором она бывала³: дорогу, ведущую из поместья в Святые Горы. А дальше – то ли в Псков, то ли в С.-Петербург. Вдали – сияющие под полуденным зимним солнцем леса, чуть в стороне – озерцо Каменец, речка Луговка (где-то тут сидит на льду согбенный рыбак), а на подъеме, у деревни Бугрово, виднеется мельница, построенная в 1764 г., мимо которой и должен проехать тот, кого ждет заяц.

Zaitz

Noon, and the woods are still bright
 With the sun, the snow that fell last night.
 The birds, the few that haven't gone
 Are watched by a fisherman, crouching alone.
 I've been here a while by the lake
 Where the ice is marbled, opaque.
 I've been here a while, sniffing about
 Wondering if he will come riding out
 Knowing that he must come riding by
 Past the dark mill on the rise.
 As he approaches through the snow
 I will prick my ears and I will know
 And then when he draws close at last
 I will throw myself across his path.

Полдень, леса стоят все еще яркие
 От солнца и снега, который выпал прошлой ночью,
 Птицы, те немногие, которые не улетели,
 Под охраной рыбака, который сидит одиноко, сгорбившись.
 Я пробыл здесь недолго, у озера,
 Где мраморный, опалового цвета лед.
 Я пробыл здесь недолго, приняхиваясь,
 Беспokoясь о том, будет ли он проезжать верхом,
 Зная, что он должен проезжать верхом
 Мимо темной мельницы на подъеме.
 И как только он приблизится ко мне по снегу,
 Я наострю свои уши, я услышу.
 А когда он подъедет, наконец, поближе,
 Я брошусь наперерез по его дороге.*

Психологический рисунок напряженного ожидания создается через своеобразный прерывистый ритм, заставляющий замереть и с обостренным

* Подстрочный перевод, где не указано специально – мой. Т.П.

вниманием взглянется⁴, вслушаться в знаки-сигналы окружающей природы – лес, озеро, птицы, рыбак, лед, мельница, дорога. Все как бы замерло на мгновение, глаз выхватывает только границы той картины, которая через секунду будет приведена в стремительное движение. Эмоциональное напряжение усилено и повторами, как бы заговорами-заклинаниями («я пробыл», «я ведь пробыл какое-то время», «я услышу», «я узнаю»), в которых отражен внутренний страх, но страх другого, не «заячьего», рода. Этот страх происходит от боязни пропустить какой-то очень важный момент, не смочь, не успеть совершить свой отважный, самоотверженный бросок на дорогу.

Успел, смог! Спас!

Об этом второе стихотворение С. Дагдейл «The Hare».

The way it lept along
As if the ground was several miles below
As if it grasped the air in every paw
Arrowing its way across the forest floor
Towards us over the melting snow
My horse was fast and strong
But at this creature's sudden flight
It stopped and swayed and pawed the slippy track
And showed its teeth and stepped back
Slid and recovered itself in its great fright.
There's nothing wrong
Still I turn the horse into a cloud of our breath
I will not pass through its little prints –
I cannot cross this line: and since
I cannot, there may be hope yet.

Заяц

То, как он взметнулся в прыжке,
Как будто земля была ниже на семь миль,
Как будто лапами крепко ухватился за воздух,
Стрелой промчался через глубину леса,
К нам, над тающим снегом.
Мой конь был быстрым и сильным,
Но при неожиданном полете этого существа
Он остановился, покачнулся и забил копытами по скользкой дороге,
Обнажил свои зубы и отступил назад,
Заскользил, но удержался на месте, сильно испугавшись.
Ничего не случилось
И все же я поворачиваю лошадь в облако нашего дыхания,
Я не буду переступать его маленькие следы-
Я не могу перейти эту линию: и поскольку
Я не могу, еще может быть есть надежда.

Признавая, вслед за Марией Фаликман – переводчицей стихотворения «The Hare» на русский язык, «особую свежесть взгляда Саши Дагдейл» [2, с. 492], отметим, однако, очевидную и удивительную переключку манеры, проекции этого стихотворения и даже буквальное совпадение его начальной строки со стихотворением американского поэта первой половины XX века Роберта Фроста «Dust of Snow»:

The way a crow
Shook down on me
The dust of snow
From a hemlock tree
Has given my heart
A change of mood
And saved some part
Of a day I had rued

То, как ворона
Стряхнула на меня
Снежную пыль
С дерева болиголова,
Дало моему сердцу
Перемену настроения
И спасло какую-то часть
Дня, который печалил меня [7, с. 90].

Оригинальность и «свежесть взгляда» современной английской поэтессы видна только через призму двух стихотворений⁵.

Определенный артикль в названии второго стихотворения – важный указатель того, что речь идет о том самом зайце, *случайном*, казалось бы, спасителе поэта, о котором знают все. Это узнавание общеизвестного делает возможным вариант названия, где использовано привычное для англичанина слово «hare». Само по себе стихотворение воспринимается как вполне законченное произведение о происшествии с А. С. Пушкиным. Но в связи с первой поэтической историей диптиха возникает некий метасюжет со смыслами, выходящими за пределы одного стихотворения. Среди них оппозиция «случайное» – «неслучайное», «великое» – «незначительное».

Смысловая и эмоциональная связь двух стихотворений – в своеобразном приеме анжамбемане – переносе заключительной части одного стихотворения в начало другого. То, чем закончился «Zaitz» – напряженным ожиданием прыжка, становится началом «The Hare» – стремительный бросок совершен, заяц останавливает лошадь и ездока. Здесь те же детали ландшафта – зимняя дорога, «лесное поле», тающий снег, скользкий путь, по которому приближается к месту действия ездок на коне. Но все показано через восприятие того, кого желают упредить и остановить. И самое главное в том, что здесь другая сущность изображаемой картины. Статика первого стихотворения сменяется описанием момента стремительного движения: полет зайца, резкие проявления испуга лошади и решительная смена намерений ездока. Без первого стихотворения не было бы того эмоционально-смыслового подтекста, который привносит особый драматизм в описание происшедшего. Этот особый драматизм и возникает от предварительного знания того, что предшествовало прыжку, казалось бы, случайного зверька через путь поэта. Для ездока он – не персонифицированное существо, «it» («оно»), происшедшее – просто случай на дороге («ничего страшного»), удивила всего лишь мощь и стремительность заячьего рывка (прыжок – «как полет стрелы над землей»), необычный испуг коня (он «встал на дыбы в страхе»), которые отмечены в сознании поэта. Но читатель сопоставит это первое эмоциональное восприятие поэта с

пониманием неслучайности происшедшего. А дальше – соотнесет суеверные страхи ездока с фатальной неизбежностью «дурного знака». Процесс осмысления всего увиденного сойдется в той точке, когда и лирический герой стихотворения, и читатель, благодаря воображению Дагдейл, осознают, сколь иллюзорна граница случайного и предписанного свыше: линию предупредительных заячьих следов поэт уже «не сможет», «не посмеет переступить». И поворачивает назад с верой в свою надежду.

Несколько слов о «старинной забаве» (формула Леонида Ситника [6, с. 84]) – сравнении переводческих версий этих стихотворений на русский язык, сравнении, которое помогает ближе «подвести к созерцанию существа поэзии» [4, с. 13]. Сегодня общеизвестно, что рифмованный стих англоязычной поэзии воспринимается на родине не так, как у нас. Рифма нередко ассоциируется с юмористически-пародийным жанром или с детской литературой. Сама Саша Дагдейл подчеркивала особое отношение английских поэтов к рифме – столь важной примете русского стиха. И все же русская тема, Пушкин, обусловили, думаю, ее обращение к рифмованной форме. Но, безусловно, со своей особой мелодией, связанной с содержанием, и с заметным стремлением «обойти полнозвучную рифму и слишком правильный размер» [3, с. 31]. Выверенность каждой «ноты» в музыке ее стихов очевидна, ведь малейшее изменение в переводе мелодии, интонации, ритма приводят к смысловому искажению. Даже переход от характерного для английского стиха ямба на «удобный» пушкинский хорей в переводе стихотворения «Zaitz», выполненным Е. Третьяковой⁶ («Зимний полдень, снег искрит, / Лес под солнцем серебрится / Под тоскливый крик ворон / Рыбаки впадают в сон»), нарушает ощущение сиюминутности происходящего – главного в оригинале. Это напряжение настоящего момента хорошо воспроизведено в переводе А. Щетининой не только в совпадении размеров, но и в воссоздании контраста статики и динамики происходящего: «Полдень. Снегом опушку укрыло, / Все вокруг неподвижно застыло / Смотрит, ежась, рыбак одинокий / На сорок у замерзшей осоки...»; «Чу! Он едет. Все ближе и ближе / Я замру. И как только увижу / Тень его на слепящем снегу, / Перед ним по тропе пробегу». По-своему этот поэтический смысл стихотворения воплощает и М. Виноградова. В ее варианте заметно то самое «стремление обойти слишком правильный размер», о котором писала С. Дагдейл: «Полдень, солнце ласкает лес, / Снег искрит – он падал всю ночь с небес. / Рыбак одинокий в снегах / Глядит на зимних – немногих птах». Но есть здесь моменты, которые расшифровывают то, что в оригинале остается в подтексте и от чего собственно и возникает чрезвычайный эмоциональный эффект. В варианте перевода М. Виноградовой узнаем о том, что некто «поскачет на свою беду, что заяц «несет дозор».

Любопытны совершенно разные, но адекватные по эмоциональной наполненности, русскоязычные варианты перевода самого начала второго стихотворения:

Дж. Катар – «Вот это был прыжок!

М. Фаликман – «Мой бог, как он бежал...»

А. Круглов – «Скачками несся он».

Вопрос о том, у кого из переводчиков получилось лучше, у кого хуже, – праздный. Каждый идет своим путем, помогая открывать глубины поэтического произведения. А вместе с этим – помогая лучше понять творчество современного нам британского поэта, дерзнувшего воспеть «наше все».

Примечания

¹ Случай с зайцем подробно описан уже современниками Пушкина. Например, Владимир Даль называет точную дату этой «встречи – 12 декабря. Подробно об этом случае в биографии А.С.Пушкина пишут Сергей Соболевский («Таинственные приметы в жизни Пушкина»), Мария Осипова, дочь владелицы Тригорского П. А. Осиповой, декабрист Н. И. Лорер со слов брата поэта, Льва, Алексе Вульф («Рассказы о Пушкине»), Вера Нащекина («Рассказы о Пушкине»). См.: http://copy-prof.clan.su/index/ob_a_pushkine/o-5

² По поводу суеверий А. С. Пушкина есть целый корпус специальной литературы. См., к примеру, сайт: Парнас Рунета – Суеверия в жизни А. С. Пушкина (http://copy-prof.clan.su/index/ob_a_spushkine/o-5). Здесь подробно описаны страхи поэта по поводу цифры 13, пожатия руки через порог, просыпания соли, зуда в правом глазу и т. д. Известно из многих источников, что Пушкину была предсказана смерть либо от лошади, либо от беловолосого человека.

³ Визуальный аспект, в целом, преобладает в творчестве С. Дагдейл. См., например, ее поэзию в указанном сборнике «В двух измерениях...», монологическую драму «Радость» («Иностранная литература», 2011. №3), где доминирует глагол «вижу» («see»), ассоциативно связанный с главным жанром творчества У. Блейка – видением.

⁴ В Михайловском были проведены два выездных семинара переводчиков при Британском Совете. С. Дагдейл была одним из руководителей семинаров.

⁵ Такой принцип проекционной вариативности, создающей целое, воспроизведен в последнем произведении С. Дагдейл «Радость», впервые опубликованном в журнале «Иностранная литература» (№ 3, 2011) в переводе на русский язык, выполненным М. Фаликман. Произведение представляет собой три монолога, три взгляда на судьбу и творчество английского романтика Уильяма Блейка: жены поэта Кэтрин Блейк, знаменитого биографа Блейка Александра Гилхриста и его жены Энн. Полифония повествования по-романтически создает одну мощную мелодию во славу творчества Уильяма Блейка.

⁶ Все переводы даны по указанному изданию: В двух измерениях. Современная британская поэзия в русских переводах. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Библиографические ссылки

1. В двух измерениях. Современная британская поэзия в русских переводах. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.
2. Вместо послесловия. Говорят участники семинара // В двух измерениях. Современная британская поэзия в русских переводах. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – с. 492.
3. Дагдейл С. Британская поэзия сегодня / Саша Дагдейл // В двух измерениях. Современная британская поэзия в русских переводах. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – с. 31.
4. Кружков Г. Современная британская поэзия на русском языке: опыт переводческого семинара / Григорий Кружков // В двух измерениях. Современная британская поэзия в русских переводах. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – с. 11.
5. Кружков Г. Цит. изд., с. 12.
6. Набокова И. «Зайка, поскачи, серенький, попляши...» / Ирина Набокова // Газета «Кижы». – №11 (73 декабря 2010. Режим доступа: // <http://kizhi.karelia.ru/info/about/newspaper/80/1992.html>
7. Ситник Л. Вступление. Роберт Фрост. Стихи / Леонид Ситник // Иностранная литература. – 2011. – №1 – с. 84.